

Назарова Ольга

A woman with long blonde hair, wearing a light blue dress and a thick brown fur coat, stands in a snowy winter landscape. She is holding a cardboard box containing two small white Chihuahua puppies. In the foreground, a tabby cat sits on the snow, looking towards the camera. The background shows snow-covered evergreen trees and a row of wooden houses with snow on their roofs under a soft, hazy sky.

Убежище для своих

Книга девятая

Ольга Назарова

Убежище для своих

<https://litres.ru/73920846>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда сложно понять, как поступить правильно, особенно когда подруга, которой вы абсолютно доверяете, активно убеждает в том, что нужно любить только себя, надо разводиться с мужем-изменщиком, оставить детей ему и быть свободной как птица.

Да, кто-то просто пошлёт подобную советчицу, но характеры у всех разные.

Недаром же Светланина мать сделала всё, чтобы дочери было крайне сложно принимать собственные решения. А что? Исключительно послушная девочка — это же так удобно!

Но девочка выросла, а вот сил у неё не прибавилось.

Почти... потому что решение по детям она приняла самостоятельно, да и избавиться от такой подруги сумела, но вот что делать дальше? А тут ещё и мама её вернулась из-за границы и жаждет вновь единолично управлять дочерью.

И кто знает, чем могла закончиться эта история, не будь дети Светы Пашкой и Полиной, которые недаром носили прозвище Патентованное Проклятие, и если бы не было у них дивного

подспорья в виде любимой тётки и множества обитателей Убежища.

Содержание

Глава 1. Натуральная Снегурочка	5
Глава 2. Разведка в кущах древ	18
Глава 3. Зачем они нужны	33
Глава 4. Такие разные матери	44
Глава 5. Не всё из детства	56
Глава 6. Две сестры	68
Глава 7. Зять, не оправдавший надежд	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ольга Назарова

Убежище для своих

Глава 1. Натуральная Снегурочка

Тугие порывы ветра приносили к окну всё новые и новые порции снега, но стильные синие с серебром занавески не давали отвлекаться на снежное мельтешение.

– Так... надо подумать! Мне надо хорошенько подумать, всё проанализировать, – сказала своему отражению белокурая, миниатюрная, красивая молодая женщина, сидящая у туалетного столика.

Отражение охотно с ней согласилось – в конце концов, это его работа – соглашаться со своим человеком.

– Итак... что мы имеем? Я всегда шла у него на поводу! Я всегда слушала его и его семейку! Я родила ему двух детей, хотя... хотя и не была к этому готова, а он? Он – негодяй!

Зеркало послушно изобразило трагичный излом бровей и гневное сверкание прекрасных голубых глаз, но... но всё это было не то, не то... как-то без огонька, что ли...

– Н-да... ладно, начнём сначала! – женщина чуть растрепала чудесные волнистые волосы, осмотрела себя – да, безусловно хороша! Да и тридцать пять ей никто не даст – от силы двадцать семь, и то с натяжкой. – Прямо как Снегуроч-

ка! – и тут же покачала головой:

– Не отвлекайся! – она строго призвала себя к порядку. – Я должна решить, как мне дальше жить! Так, на чём я остановилась? А! Точно! На детях... Я не готова была к детям! Я не хотела рожать. Я... да я сама была ребёнком! У меня было столько планов, столько устремлений. А он? Он просто уговорил меня, наврал, что у нас будет чудесная семья, что я никогда об этом не пожалею! И что?

Она сердито уставилась на зеркало:

– Вот сейчас я очень даже жалею! Ужасно просто! Ева права! Это... это же получается... всё неправда!

Стоило только вспомнить про подругу, которая предпочитала, чтобы её звали Ева – именно такое сокращение имени Евгения она предпочитала, как настроение тут же повысилась.

– Надо ей позвонить! Поговорю, и мне сразу станет легче!

Со своей коллегой Евой-Евгенией она познакомилась на лекции по психологии, когда проходила очередное повышение квалификации. Познакомилась и очень быстро подружилась, ощутив в ней поддержку, отдушину, нет, скорее единственного человека, с которым можно было говорить начистоту, высказав даже те мысли, которые раньше старательно прятала от окружающих.

Высказанные вслух мысли ширились, росли вдоль и поперёк, щедро поливались елеем сочувствия, понимания и поддержки:

– Ты права! – убеждала её Ева, которая трудилась в каком-то журнале. – Ты вовсе не обязана их любить! Никто не может заставить никого испытывать эти чувства! Ну, как можно любить слюнявых, вечно орущих младенцев?

– Эээ, Ева, но мои уже давно не младенцы... Вот как раз с младенцами было значительно проще. Понимаешь, их любить было легче!

Невольно вспоминались розовые безмятежные мордашки, крепкие ручонки, сжатые в кулачки, и как-то расслаблялась зажатая внутри пружина раздражения.

– Свет! Све-та! Перестань так глупо улыбаться! Ничего такого приятного в этих детях нет! Это ты просто ещё не поняла, что твои убеждения тебе внушили окружающие! Вот я – я никому не позволила себе что-то внушить! Я сразу знала, что дочь не хотела, не любила, и сейчас не люблю! Я сразу же отдала её няньке, и всё! И никто не смог мне внушить эту... эту иллюзию! Я – не молочная корова и не самка с инстинктом размножения! Я – свободная женщина! Если мужу хотелось ребёнка, я её родила и ему отдала. Пусть сам и кувыркается!

– И как? Он кувыркался? – осторожно уточняла тогда Света, ещё незнакомая с решительностью новой подруги.

– Мать его всё делала. Мать и нянька! – гордо отвечала Ева. – А ты, бедняжка... тебя мало того, что заставили рожать двоих, так ещё и внушили, что ты их прямо любишь – любишь! Света! Ну, это же потеря себя самой! Ты же та-

лантливая, умная, красивая! И что? Ты не сделала вовремя карьеру, не посмотрела на мир, ты была привязана к пелёнкам-распашонкам, горшкам, кашам и прочей ерунде! А сейчас? Ну, что у тебя есть?

– Немногое... – соглашалась Светлана, прямо шкуркой ощущая, что её недавно ещё вполне себе благополучный мир скукоживается и беднеет прямо на глазах. – Карьеру не сделала, мир не посмотрела...

– А муж? Муж-то хоть ценит то, что ты сделала?

– Нууу, не очень, – совсем приуныла Света. – Он как-то и не хотел, чтобы я много работала.

– Вот! Вот, Светочка! Он посадил тебя с детьми дома, сделал из тебя домашнюю прислугу, на много лет лишил тебя полноценной жизни! Ну, сама подумай, сначала с одним ребёнком сидела, потом с другим... Какая там у них разница?

– Три минуты.

– Три года?

– Нет, три минуты – они близняшки! – призналась Света, не подозревая, что именно с этого самого дня её жизнь повернёт по совсем другому пути.

– Как близняшки? То есть двое? И ты прямо хотела двух детей? – ахнула Ева.

– Нет, я хотела одного мальчику, – призналась Света.

– Так зачем же ты согласилась на обоих?

Если честно, то Света и не соглашалась – её просто никто не спросил – близнецы получились сами по себе, своевольно

ни у кого не уточнив.

– Если ты хотела только мальчика, зачем ты девочку из роддома забирала? – продолжала изумляться Ева.

– А как же? Как иначе-то?

– Ну ты и шляпа! Да ты же просто не знала свои права! Я реально видела случай, когда сама в роддоме была – пара долго не могла забеременеть, наконец-то у них получилось, но целых двое! Вот они тоже мальчика хотели. Так лишнего ребёнка просто оставили в роддоме, и всё.

– Ну, может, у них просто денег не было... хватало только на одного... – растерялась Света. – А у меня муж из состоятельной семьи, у нас всё было!

– Да нет же, там вполне себе денежные люди, просто решили, что им нужен мальчик, и всё! Вот так и надо! Зачем себя выматывать с двумя, гробить себя, если твоё счастье – это самое главное?

Примечание автора: уважаемые читатели! Это реальный случай, я его не выдумала. Если честно, в голову бы такое не пришло, но это было. Супружеская пара, которая несколько лет не могла завести детей, долго лечилась от бесплодия, в результате родились здоровые дети – мальчик и девочка, но пара взяла одного мальчика – девочка им была просто не нужна. Они мальчика запланировали, его и забрали. Этот случай описывали сотрудницы роддома.

Света поначалу изумлённо хлопала глазами, но время шло, разговоры велись, взгляды решительной и харизматич-

ной подруги впитывались, усваивались...

Так потихоньку и сама Светлана стала рассуждать о том, что у неё отняли молодость, её карьерные мечты, её надежды, сломали жизнь... и кто? Ну... кто?

– Твой муж и дети! Они на одной чаше весов, а ты и твоё счастье – на другой! – говорила Евгения. – Вот, посмотри на меня – я тоже сделала ошибку, но по крайней мере не усугубляю её, как ты! Вот что ты сейчас такая нервная, а?

– Да, понимаешь, дети... они подложили фейерверки под ножки соседского батута. Соседи гостей принимали, забрались туда, начали прыгать, и... батут полетел!

– Но это же ужасно! Они совершенно неуправляемые!

– Это да... недаром их вся наша родня называет ПП... они такие предприимчивые, что мне иногда просто страшно становится!

– И что это означает? Ну это ПП? Или это просто по именам? Как там их... Полина и Павел? Да?

– Это и первые буквы их имён и... сокращение от их прозвища – Патентованное проклятие.

– Это прекрасный выход! Просто великолепный! Я даже и не думала, что твой муж способен такое предложить! – ликовала прошедшим летом Ева, услышав план Светиноного мужа отправить их детей в интернаты.

– Думаешь? Ну, не знаю...

– Да что тут не знать-то? Света! Почему ты такая нерешительная?

тельная! У меня бы они уже давно колобками катились бы по интернатам и сидели бы там как мыши! Вы уезжаете, тащить их с собой – глупость несусветная, а там их воспитают как надо! Опять же ты сможешь заняться собой и отношениями с супругом.

– С ними так не получится. Пашка и Полина будут резко против!

– Да кто их спрашивать-то должен!

– Понимаешь, их не спрашивать... это чревато. Могут что-то устроить, – озабоченно вздыхала Света.

– Светочка! Твой муж и его родители распустили детей просто невозможно! Если они такие хулиганы... пусть ими вообще полиция занимается!

– Да нет же... они не хулиганы, по крайней мере, ничего такого противозаконного не делают... почти. Но вот если их разлучить и отнять у них собаку с кошкой, то... то я даже не знаю, что они могут!

– Послушай, но почему два подростка, которые живут в твоём доме, диктуют тебе какие-то свои условия? Почему ты позволяешь им так себя вести? Зачем ты разрешила им каких-то животных?! Это же всё на тебе! Сколько раз я тебе говорила, что главное – это твоё счастье!

– Но... но животные на них – они за ними смотрят.

– Не верю! Убираешь и выгуливаешь навверняка ты!

– Нет, они сами.

– Ладно... но потом-то всё равно им всё надоест и это

будешь делать ты! – уверенно заявляла Евгения, и Света невольно кивала головой – очень уж убедительно это звучало.

– А потом... этот твой муж, он что? Опять налево смотрит?

– Ну, думаю, что да!

– А я тебе говорила! Я предупреждала! – с интонациями записной пророчицы высказывалась Ева. – Ты же полностью сняла с него все заботы – он захотел ребёнка – ты родила. Захотел двух – ты послушно согласилась забрать обоих, захотел – ты уселась с ними дома и лишилась карьеры, а теперь... теперь ещё и это!

Вот что тут поделать... когда слышишь что-то такое, удобное, комфортное, убедительное, ура-ура-поддерживающее, слышишь это часто и помногу, то и сопротивляться да возражать хочется всё меньше.

Что поделать, если чужие расспросы вызывают всё больше и больше откровений, «раздеваний» близких, а то и самых близких людей, выворачивания наизнанку их секретов и вытряхивания слабостей.

Если так хочется, чтобы тебя пожалели и поддержали, что уже не опускаешься до подробностей, которые могут менять всё. То, что твои дети тебя любят, что именно они весьма креативно и решительно встали на твою сторону и удержали отца от того, чтобы он ушёл из семьи, и что никакие они не хулиганы. А уж ради тебя вообще на многое готовы...

Что муж полностью содержит тебя и никогда не заставлял сидеть дома. Что работаешь ты только ради собственного удовольствия, и если бы хотела делать карьеру, то уж муж-то тебе точно не был бы помехой.

Просто... просто неудобно это. Усилия нужно прикладывать, общаться с разными людьми, в том числе некомфортными для общения, а ты нежная, слабая, податливая. Тебе так никогда не хотелось, и, как только что-то не нравилось на работе, ты запросто оттуда увольнялась, получая полную, да что там... полнейшую поддержку от того самого негодяя-мужа! Но так приятно было слушать о том, что ты лишена чего-то явно важного не из-за того, что сама что-то не делала, а потому что виноваты все – дети, муж, твои родители, его родители... короче, все, кроме тебя, что Света, пытавшаяся поначалу вставлять какие-то правдивые подробности, вскоре перестала это делать.

Да и зачем? Это же так... просто разговоры. Ну она так отдыхает...

Только вот ей самой всё чаще и чаще думалось о собственной семье именно словами Евы, она всё больше оценивала и мужа, и особенно Пашку с Полей теми категориями, которые и так охотно перенимались ею от подружки.

– Света, ты же психолог! Ты должна осознавать, что люди, которые тебя могут осуждать – это просто ограниченные, тупые и для тебя совершенно ненужные особи. Про них и думать не надо! Главное – это ты! Ты – центр твоей жизни!

Понимаешь? Ты должна ориентироваться только на свои потребности и желания!

Слова, поначалу ничего не значащие, упали как зёрна, проросли, напитались силой, пустили корни так, что и не припомнить о том, что когда-то... да вот всего три года назад, ты думала по-другому. Да куда там! Ты ж была непросвещённой, заезженной мужем и детьми, а также всеми-всеми, кто тебя окружает.

Наверное, правду говорят, что человек – это то, что он ест. Только вот еда не определяет всё в жизни. Получается, что человек ещё и то, что он слушает, то, с кем он общается, а ещё – то, что он подпускает близко, слишком близко к себе.

Мягкие, широкие хлопья снега, вьющегося за окном, сменились мелкими острыми снежинками, словно осколками волшебного злого зеркала. Они царапали по стеклу, но не могли прорваться в комнату, да это было и не нужно – женщина, которая скрывалась от них за синими шторами, замораживала своё сердце гораздо надёжнее, выбрав себе в лучшие подруги человека, который любит только и исключительно себя.

– Ева, я пытаюсь отрепетировать разговор с мужем, убедить себя в том, что это правильно, но у меня не получается.

– Ну конечно же, он наверняка опять убедил тебя, что вы вернётесь в Москву и всё будет чудесно, да? Что его увлечения – это простой флирт, что у вас семья, дети...

– Да, всё так и есть.

– Так вот! Он хотел детей – это ЕГО дети! А ты – у тебя наконец-то появился шанс быть свободной! Оставь этих детей их отцу и живи своей жизнью. Делай карьеру, путешествуй.

Светлана слушала эти мотивирующие речи, кивала им в такт, любуясь на себя в зеркале, но... но всё упиралось в то, что делать карьеру без денег мужа, а точнее его семьи, было как-то трудно, неудобно и непривычно. А если уйти и оставить детей Виктору, то... с него станется из принципа затребовать с неё алименты. А на что она тогда будет жить? И где? И как?

– Что ты там молчишь? – Ева не любила, когда её слова оставались без восторженной реакции, поэтому требовательно призвала собеседницу к ответу.

– Ты же понимаешь, что пока не поздно, пока ты молодая, привлекательна и можешь многого добиться, тебе надо разводиться и жить своей жизнью? Кому я всё это говорю? Ты что, снова хочешь стать клушей, обслуживающей всю семью?

– Да ты не понимаешь! Если я с ним разведусь, то останусь безо всего!

– погоди... а ваше имущество? Ты что, собираешься своему муженьку всё подарить? Всё нажитое в браке делится пополам! Сколько я тебе это уже говорила?

– Да и делить-то особенно нечего – всё подарено ему его отцом!

– А квартира?

– И квартира, и коттедж! Он только машины покупал, их две – моя и его. Так что, если я сделаю так, как ты мне советуешь, я останусь только с машиной и... и алиментами на близнецов.

– Так... это плохо! А куда ж ты смотрела? Неужели не понимала, что тебя попросту обирают? Почему позволила свёкрам так всё оформить?

– На самом деле, это имущество действительно покупал его отец. Виктор работает у него. Но... но всё, что зарабатывает, он тратит. Мы же отдыхать ездили два-три раза в год, машины меняли, ну, и так, по мелочам.

– Неразумно! Тогда надо подумать, как тебе выбраться из этой ситуации! – Ева, как женщина решительная, была уверена, что любую ситуацию можно повернуть себе на пользу, главное – знать, куда её разворачивать!

– Так сейчас-то мне что делать?

– А что?

– Ты же посоветовала мне решительно поговорить с мужем и возвращаться в Москву.

– Погоди... если ты вернёшься в Москву, то золовка, как там её... Нина, кажется, да? Тут же сбросит на тебя твоих хулиганских близнецов?

– Да, наверняка!

– Ну точно! Никто не будет без крайней нужды тянуть чужих детей. Я вообще удивилась, зачем она это делает. Наверное, к родителям подлизывается. Тогда... тогда я, пожалуй,

знаю, что тебе делать!

Екатеринбург заметала метель, но даже она была теплее, чем этот разговор.

Непонятно, как столь обсуждаемым людям, как пресловутые ПП, удавалось не икать... Наверное, их харизма подавляла любые чужеродные обсуждения на подлёте.

– Паш, как ты думаешь? Родители на Новый год приедут? – Полина вышла из школьных дверей, с удовольствием вдохнула морозный воздух, красиво увернулась от летящего в неё снежка и философски отряхнула физиономию брата, в которую и прилетел снежный комок.

– Ты, Поль, когда уворачиваешься от поклонников, думай о ближних своих! – Пашка выплюнул снег, попавший в рот, погрозил кулаком спешно исчезающему за углом однокласснику и пожал плечами:

– Кто их знает. Папа чего-то этакое сказал, что, мол, у него дела, но они посмотрят.

– Ну-ну, и мы посмотрим, куда их «посмотрение» приведёт! – Поля бодренько покивала, решив, что надо самой набрать маме – очень уж давно она сама не звонила. – Что за жизнь? Родители такие безответственные, что за ними глаз да глаз нужен!

Глава 2. Разведка в куцах дров

Виктор Александрович Мошенов шёл по занесённому снегом Екатеринбург в удивительно хорошем настроении.

Нет, даже не так! Настроение у него было расчудесное! А каким же ещё должно быть настроение, когда человек осознаёт, что избежал жуткой опасности?

– Это ж надо! Чуть так не вляпался... – время от времени бормотал Виктор Александрович, покрепче прижимая к себе объёмистый шуршащий свёрток. – А я ещё на отца злился, когда он мне начал опять втирать про семью и семейную жизнь!

Его отец и, по совместительству, работодатель, Александр Павлович Мошенов, который и отправил его из Москвы в Екатеринбург для руководства только открытым филиалом, недавно позвонил и устроил сыну дичайший разнос:

– Витька! Что происходит? В Москве ты работал спустя рукава, всё сетовал, что я тебя страхую и развернуться тебе негде, ладно, вот тебе фронт работы – вся Сибирь. Что? Опять негде разворачиваться? Почему показатели никакие? Что есть ты там, что нету... И вообще, почему ты не на работе?

Нет бы Витьке тогда немного спохватиться, сфокусироваться на разговоре с родителем, так нет... расслабился, утратил хватку, невольно проговорился, что он вовсе и не на

работе. И вообще... у него, может, выходной... Что он, не человек, не мужчина?

– Ты что? ОПЯТЬ? Ты ж уезжал, клялся и божился, что едешь с женой, чтобы жизнь семейную налаживать! А ты снова какую-то красотку отыскал?

Нет, оно и понятно! Куда отцу его понять? Ему-то с Витькиной матерью повезло непомерно – от такой в сторону и гулять-то не хочется, а Света... Нет, Света и красивая, и хозяйка прекрасная, и так... хороша. Только очень уж управляемая – что Витька скажет, то она и делает. Прямо как безкоризненная и исполнительная подчинённая! А ему, может, с огоньком хочется!

Нет, из семьи Виктор уходить не собирался – три года назад была у него попытка, спасибо, хватит! Это он так... жизни порадоваться, напомнить себе, что он – мужчина хоть куда! Ого-го ещё! А то... время-то проходит, и пугающе кажется, что чего-то он пропускает, не успевает за этим временем, что надо всё-всё успеть!

И вот только он нашёл себе новую цель – чудесную заводную рыженькую девчонку из цветочного магазинчика, как на тебе – так расслабился и так прокололся!

– Витька! Да как же ты не соображаешь? Это для тебя, дурака, игры, а для Светы всё всерьёз. И небось для девицы твоей новой – тоже!

– Да неее, пап, это так...

– Какой тебе так? Не можешь с женой жить – разводишься!

Только учти – она с детьми останется, а ты с чем? С новой женой и новыми детьми?

– Пап! Да что ты такими старомодными категориями мыслишь? – рассердился тогда Виктор. – Какая новая жена и новые дети? Я просто романчик планирую. Я не собираюсь от Светки уходить – она меня устраивает! Да и с ПП она не справится, и куда они тогда? Ко мне? Так мне сразу надо будет обет безбрачия брать – их-то точно никто выдержать не сможет.

Отец тогда долго и упорно бухтел по поводу его невозможно неправильных жизненных взглядов, романчиков и всего прочего. Едва от него Виктор сумел отвязаться, а потом... потом...

И зашёл-то он сегодня в магазинчик к красавице-Ирuse, чтобы просто пригласить её на обед. Нет, можно было позвонить, но магазин был неподалёку от офиса, что ж не зайти?

На двери висело хлипкое китайское звенящее подобие ловца ветра, которое Виктор умело придержал рукой – очень уж хотелось сделать сюрприз жизнерадостной Ирине.

У входа стояли искусственные заросли, а дальше начинались стойки с крупномерными живыми цветами, так что вход Ирuse был не очень виден.

Виктор, как хулиганский мальчишка, крался даже чуть пригнувшись – обуяло его этакое шаловливое настроение. Крался, крался, да так и застыл, насторожив уши.

Утром в магазине никого, кроме Ирuse и его самого, не

было, так что Иринин звонкий голос был Виктору преотлично слышен.

– Да, такой забавный папик... Нууу жена... жена есть, конечно. Даже пара детей имеется. Но мне-то что с того? Что значит, поиграет и бросит? Кто б ему позволил! Вот ещё! Я беременна? Нет, пока нет. Но постараюсь как можно скорее! И куда он тогда денется? Ой, да ладно тебе! Чего кошёлка из себя представляет по сравнению со мной? Так что разведётся как миленький и женится!

Виктор даже в первый момент не понял, к чему это всё... Потом до него стало доходить, что забавный папик для двадцатилетней Ирины – это он сам!

– Чё? – содержательно прошипел он, с трудом уворачиваясь от дружелюбного фикусного листа, который похлопывал его по физиономии – видимо, в качестве дружеской поддержки. Держись, мол, мужик... держись! Тут и не такого наслушаешься!

– Нее, он из Москвы, богатенький. Я сбегала в офисный центр, где он офис снимает, там моя одноклассница работает. Так вот, фирма нормальная, жирненькая, зарегена на его отца, то есть он не мошенник, а реально при деньгах! – продолжала описывать его Ируся. – Что сам? Ну, так... средней паршивости, но где они сейчас лучше-то? По крайней мере, такой... ухоженный и наивный.

– Я? Я наивный? – чуть было не взвыл Виктор Александрович, и уже благодарно покосился на фикусный лист, весь-

ма удачно заткнувший ему рот. А Ируся продолжала:

– Ты прикинь... он такой смешной! Шифруется от своей жены, а я уже и пароль на его смартике подсмотрела, так что, как только у меня с ним всё получится, я ей сама наберу и всё скажу.

– Ути какая! – Виктор машинально покосился на карман дублёнки, где лежал предательский гаджет. – Ничего себе планы у Ирусика!

– Я думаю, дело выгорит! – уверено вещала «утикакая», опрыскивая орхидеи. – Нет, а что? Мужик практически не пристроенный бегаёт! Почему не пристроенный? Да потому что от жены пристроенные никуда не деваются! Вот у меня он шагу в сторону не сделает, сидеть рядом будет как миленький!

– Да-ты-чё? – даже слегка восхитился этакой наглостью Виктор, решительно, но по-прежнему крадучись, пробираясь к выходу.

Дружелюбный фикус махнул ему на прощание полосатой лиственной лапкой, и Виктор, придерживая хлипкий колокольчик на входном ловце ветра, решил, что сегодня же отправит зама его купить!

– А что? Облагораживать офис никогда не поздно! Опять же, я таких полезных растюх ещё не видал – столько нужного под ним услышал! – свойственна была Виктору некая сентиментальность.

Виктор вышел из магазина, старательно обогнул его так,

чтобы его невозможно было увидеть из окон, и заторопился в офис.

– Это ж надо! Распланировала уже, где я около неё сидеть буду. Небось у её тапочек? Как собака? Да где мозги у этой свистульки? Все в ноги ушли? Кто я и кто она? Справки она обо мне наводила! Об отце даже узнала! О-ша-леть!

Тут Виктору пришло в голову, что именно об этом и говорил отец – девица-то отнюдь не рассматривала себя в роли временного развлечения, хотя Виктор ей ничего и не думал обещать или врать.

– Ишь... Светке она позвонит! Стоп! Светке она позвонит? – Виктор выхаживал по своему кабинету, и тут так затормозил, что чуть было не споткнулся. – Ёлки! А ведь может! Нет, она говорила, что позвонит, если того... ну, у неё всё получится, но я-то к ней больше и близко не подойду!

Виктор было облегчённо выдохнул, и тут же спохватился:

– Погодь! Так она же отомстить может... или решит своей пустой бестолковкой, что это меня жена заставила с ней порвать. Вот возьмёт и наберёт – чисто из стремления гадость ей сделать!

В кабинет тактично постучал помощник, но Виктор, напрочь забывший, для чего ещё вчера он велел ему зайти, чтобы не выглядеть рассеянным, отправил сотрудника в цветочный – купить полосатый фикус.

– Там один такой, не перепутаешь! Да, и скажи, чтобы эта... продавщица... как следует его запаковала. Для подар-

ка!

Идея про подарок возникла спонтанно и потянула за собой новые размышления.

– Так... Светке надо что-то купить... А я её последнее время того... забросил совсем, так что пока она будет подарки распаковывать, я возьму её смартфон, внесу номер Ирки и поставлю его в чёрный список! А то... ишь, удумала эта ушлая мне семейную жизнь ломать!

Потом Виктор, став владельцем дружественного полосатого фикуса, отправился вместе с ним в ювелирный и восхищал продавщиц, попросив креативно упаковать его покупки вместе с растением.

– Девушки, на ветки привяжите коробочки, так чтобы распаковывать было поинтереснее, подольше! Да, бантов попышнее навяжите. Отлично! – командовал он. – И растюху обратно укутайте! Прекрасно!

И вот, выйдя из ювелирного с «растюхой», которая должна была обеспечить ему алиби, он шёл под снегом и ощущал... счастье!

– Ну, свезло мне! Свезло же! Пропал бы ни за грош! Не услышал бы разговор, так бы думал, что просто это... развлекаюсь, а сам бы шёл прямиком в капкан!

Если кто-то и удивлялся широко улыбающемуся под снегом человеку, то самому Виктору было на это глубоко наплевать!

Он решил, что если уж делать сюрприз, то как следует,

поэтому звонить в дверь не стал, а вошёл, открыв её своим ключом, и как можно тише.

– И где это моя Светуля? – разулыбался он.

И тут же насторожил уши, услышав, как жена с кем-то говорит по телефону.

Нечистая совесть – штука бдительная: так бы он и не подумал вслушиваться, что там такое произносит жена, но сейчас опасения о том, что до неё уже дозвонилась хищная Ирусся, заставили его на цыпочках прокрасться к двери комнаты.

– То есть ты думаешь, что надо разводиться? – уточняла его жена, и у Виктора фикус чуть не выпал из ослабевших рук.

На разговор с Ирусей-тигрусей это было как-то не похоже, и Виктор призадумался.

Разумеется, каждый думает в меру своей испорченности, поэтому он тут же оскорбился, решив, что у него есть соперник!

– Таааак, я тут вернулся домой во всех смыслах этого слова, а она... она, выходит, кого-то уже себе завела? – ярость плеснула дурным жаром на глаза, он засопел, стиснув несчастный горшок с подарком, и тут же услышал Светкиного собеседника, а точнее, собеседницу:

– Сколько раз я тебе должна говорить! Ну, конечно, надо!

Решительный женский голос был Виктору знаком. Знал он эту самую Еву-Евгению, как не знать! Три года назад жена только с ней и советовалась по любому поводу.

– Так-так... а ей-то это зачем? – живо заинтересовался Виктор.

Вообще-то, когда супруга начала тесно, активно и много общаться с какой-то бабёнкой, Виктор поинтересовался, кто она такая. Нет, вовсе не потому что Светке не доверял. Просто...

– Просто она такая неприспособленная, что мне проще уточнить, чем потом её из какой-нибудь гадости вытаскивать, – думал он тогда, рассматривая Еву.

Обычная среднестатистическая баба, чуть старше его жены, выглядит значительно проще, по крайней мере, на его вкус, холодная как айсберг, на физиономии постоянно чуть высокомерное выражение лица, словно она про окружающих всё-всё давно выяснила и с таким плебсом общаться не жаждет.

– Тогда зачем ей моя жена? – задался вопросом Виктор, подозревавший мошенничество, попытку развести доверчивую Светку на деньги или подобраться к нему самому.

Пришлось даже в гости к этой самой Евгении сходить, а потом, по настоянию Светки, пригласить её с мужем к себе.

Наличие у такой ледышки мужа, кстати, Виктора прямо-таки наповал подкосило. Ему-то казалось, что нормальный мужик к такой и близко не подойдёт. Чисто из чувства самосохранения!

– Однако, каких только чудачков не бывает на свете! – думал он, подливая коньяк флегматичному типу.

Ещё больше он удивился, узнав, что у пары есть дети. Точнее, одна дочь.

– Евочка её сразу отдала мужу! А муж – маме. Своей маме, само собой, – объясняла Света семейную ситуацию подруги. – Вот бабушка её и воспитывает.

– А нафига такая мать? – простодушно удивился тогда Виктор. – Я бы ещё понял, если бы она куда-то уезжала зарабатывать, или занята была – головы не поднять!

– Так она так и занята – она в журнале работает выпускающим редактором... по-моему. Или ещё кем-то. Очень занятым.

– погоди, так она же психолог, как и ты.

– Она не работает по специальности... как и я. А на повышение ходит просто чтобы быть в курсе всех изменений. На самом деле, Ева делает карьеру в светском журнале! – гордо заявила Света. – Вкальвует с утра и до ночи!

– А зачем? Ну так-то зачем, чтобы даже ребёнка не видеть? Муж же у неё прилично зарабатывает.

– Ты ничего не понимаешь! Она не хочет ограничивать себя ролью домохозяйки или просто полудомашней клуши, она делает **КАРЬЕРУ!** Она путешествует, работает, живёт полноценной жизнью, – вдохновенно вещала Света. – У неё такая система ценностей!

– А дочь? – Виктор, воспитанный в довольно-таки традиционной семье, не очень понимал, зачем рожать ребёнка, если его вообще нет в твоей системе ценностей. Просто абсо-

лютно не существует!

– А что дочь? Ева её и не хотела! Дочь с бабушкой. Нет, они живут в одной квартире – она большая, но Ева с ней почти не общается. Она сознательно не подходила к младенцу, и потом тоже, принципиально не приручает её к себе! Ой, слушай! Ева мне такую статью интересную скинула. Это переводная статья, психологи из США пришли к мнению, что, оказывается, родители детям и не нужны вовсе!

– Что за бред? – рявкнул Виктор.

– Ой, Витя, ну что ты? Почему сразу бред-то? Детям и подросткам нужен значимый взрослый! Любой, понимаешь? Вот у дочери Евы – это бабушка! А мы всё с близнецами прыгаем... Ева говорит...

Примечание автора: уважаемые читатели! Это опять не моя выдумка. Это реальная теория о «значимом взрослом». Суть в том, что по этой теории детям родители не нужны – они просто есть, а дальше начинают портить ребёнку жизнь, потому что по большей части действуют через запреты и «тем самым ломают ребёнку жизнь», а вот значимый взрослый, наоборот, чаще говорит ребёнку «можно». В свете того, что сейчас происходит в США, значимые взрослые очень-очень нужны для оправдания гендерного перехода несовершеннолетних и полного отрыва детей от родителей. Да, я понимаю, что изложила современную версию теории грубо, очень упрощённо и коротко, но у меня сложилось именно такое представление об этом. Кому интерес-

но – автор этой теории Эрик Бёрн. Кстати, будьте осторожны, у нас тоже есть поклонники его теории. Дописываю специально для возмущающихся – это не я делаю такие выводы из его теории, это современная интерпретация его работ. Поэтому, пожалуйста, претензии не ко мне. Есть множество людей, которые ставят рядом фразу «родители детям не нужны, нужен значимый взрослый» и имя Эрика Бёрнса – все вопросы к ним. Я только предупреждаю, что это есть.

– Света! Знаешь, что... я не желаю слушать это в своём доме! Поняла? Пусть эту ерунду психологи США к их детям и применяют, а к моим – нечего соваться с такой ересью!

Послушная Светка тогда тут же уступила, привычно подчиняясь мнению мужа.

Дальше он изо всех сил старался показать жене, что не приветствует общение с этой Евой. Но... был занят, слишком занят своими увлечениями, чтобы самому обращать внимание на то, с кем общается супруга.

– А оно вон как оборачивается, оказывается! – прошипел Виктор, слушая, как эта самая подруга, а по совместительству змея подколодная, изо всех сил разбивает его брак. – Я-то отвлёкся, а она мне тут жену с толку сбивает! Так-так, и что тебе надо-то, а?

Чем больше он подслушивал, тем больше склонялся к тому, что Ева просто-напросто действует из любви к искусству.

– Непохоже на вымогательницу, да и не тратит Светка

больше чем обычно. Я этой ледышке точно не интересен – я б заметил. Просто... ей нужно, чтобы она была не одна такая примороженная на всю голову. В компании-то любая глупость кажется более правильной, вот и тянет мою Светку за собой!

Он решил, что этот «совет в Филях» надо заканчивать, поэтому на цыпочках удалился к входной двери, обулся, тихонько вышел за дверь, потоптался там, а потом позвонил в дверной звонок – типа он только что пришёл.

Виктор не знал, что пропускает самое интересное – рассуждения его супруги об имуществе и советы от «примороженной Евы».

По коридору зазвучали шаги его жены, распахнулась дверь, и Света недовольно поморщилась:

– Что? Ты ключи забыл?

– Светик, а я с подарком! Скоро Новый год, но ёлку мы лучше выберем вместе, а это... такая полосатая ёлочка для тебя!

Всё-таки пятнадцать лет семейной жизни позволили ему неплохо изучить жену. Может, она только что и решила с ним развестись, но её любопытство было неистребимо – Света зарылась в слои бумаги и активно шуршала, распаковывая загадочную «полосатую ёлочку».

– Ой, а это что? А это? – живо заинтересовалась она, не обращая внимания на то, что делает её супруг.

– А ты смотри-смотри, не отвлекайся! – Виктор ловко

внёс в смартфон жены телефон Ирины, а потом её заблокировал, добавив в чёрный список, а затем поинтересовался, как часто жена общается с Евой.

– Ого... го-го! Дело хуже, чем я думал! – он вытер экран Светкиного смартфона – знал, что она терпеть не может отпечатки на экране и никогда их не оставляет, и шустро положил его туда, где взял. – Так... а не пошла бы ты, уважаемая Ева, куда подальше! Я уж сам как-нибудь разберусь, разводиться нам или нет! Ну вы ж гляньте! Стоило мне только в очередной раз убедиться, что я не собираюсь рушить семью, как нарисовалась тут эта тётка глубокой заморозки!

Он нацепил на физиономию улыбку и отправился к жене – любоваться ею и новыми серёжками, колечком и браслетом.

– Свет, а что если нам домой махнуть на Новый год, а? – уточнил он, отвесив достаточно комплиментов супруге. – Там дети нас заждались.

– С чего это ты про детей вспомнил? – недовольно поморщилась Света. – Они себе нашли значимого взрослого – твою сестрицу Нинку, так что, я уверена, про нас и не вспоминают!

– А вот мы и посмотрим... вспоминают или нет! – хмыкнул Виктор, внезапно сообразивший, что Ирка-то отлично знает, где он живёт – недалеко ведь от офиса. Так что, если ей очень захочется ему напакостничать, она и лично заявится.

Звонок отца принял Пашка.

– Да ладно? Вы приедете? Классно как! Что значит, не

ожидал, что мы обрадуемся? Конечно, обрадуемся. Мы же скучаем! А Полька так вообще плакала несколько раз, я ж знаю! Поооль! Родители на праздники едут!

– Ураааа! – голоса близнецов пробивались через расстояние, метели и глупые теории.

Они-то точно знали, что родители им **НУЖНЫ!** Правда, не представляли себе, что им это ещё нужно доказывать...

Глава 3. Зачем они нужны

Светлана прекрасно знала, к чему это муж внезапно дарит подарки – видела уже такое поведение. Очень хотелось бросить ему в лицо яркие красные коробочки, но... любопытство, будь оно неладно, победило.

– Ой, а красивое! И это, и это... и серёжки...

Ну, как не примерить, если в тебя в руках переливаются, приманивают к себе яркие огоньки?

Да и фикус славный. Она вообще-то давно хотела какой-то такой...

– Ладно. Я только примерю, а потом разругаюсь с ним и скажу про развод!

Да-да! Очень логично!

Примерка прошла замечательно. Образ прекрасной молодой женщины дивно дополнился стильными украшениями, фикус устроился на подоконнике... А подозрение, что, если она вернёт мужу подарки, они уйдут к его новой симпатии, которую он себе присматривает, заставил её сгрести коробочки и решить, что ладно уж, сегодня она ещё не поразводится, а завтра – обязательно и непременно!

– Тем более что Ева мне расписала всё! Только надо решить, как лучше!

Вот с этим «как лучше» у Светы всегда были проблемы!

Ева очень старалась описать наилучшие варианты и пове-

дение в них самой Светланы, но для Светы по каждому варианту возникали вопросы...

– Первый – я оставляю обоих детей мужу. Еве он очень нравится. Она говорит, что это будет свобода! Что я утру нос Витьке и его родителям, что я сломаю систему! Только вот...

Во-первых, то, что Виктор пойдёт на принцип и подаст на алименты, Света не сомневалась! А во-вторых – где и как жить?

Нет-нет, она работала... периодически. Но сама понимала, что это не про деньги, а так... про занятость.

Потом возникал вопрос: кем именно работать?

– Ну ты же дипломированный психолог! – уверенно вещала Ева.

С этим у Светы тоже были вопросы. Она дико, просто отчаянно паниковала, когда надо было кому-то что-то рекомендовать! Да, она какое-то время работала в школе, старательно оформляла миллион или два всяких бумажек, раздавала картинки, собирала опросники по картинкам, подшивала их в папочки и с облегчением вздыхала, уходя с работы. В школе её любили – она безотказно помогала учителям младших классов, когда надо было кого-то подменить на уроке, не дёргала детей, короче, была тише воды и ниже травы... или наоборот? Не важно! Главное, что всё это благолепие разом закончилось, когда в школьном коридоре отчаянно подрались два восьмиклассника.

Разнял их физрук, а от Светы тут же потребовали, чтобы

она с ними беседовала, что-то делала и принимала меры.

Да какие меры можно принять, если в разных углах кабинета ярились двое здоровых лбов, выше её самой? Что она может сделать? Да! Разумеется, она что-то такое изучала, но вот что именно применить? Как правильно сказать?

– Я так не могу! – сообразила Светлана и... решительно уволилась.

Да, её дети, конечно, тоже чего только не творили, но с ними было значительно проще – Света на подкорке мозга чувала, что осознанный вред они никогда не причинят! И даже когда соседи и прочие «пострадавшие» прибегали жаловаться с криками, воплями и угрозами, их встречала ледяная уверенная непоколебимость Снежной королевы.

Ха! Да знали бы эти соседи и прочие, как эта самая уверенная особа сама их опасается! Но доставались заученные в институте термины, навешивалась на лицо маска уверенности, и атаки отбивались только так! Но это касалось только Пашки и Полины. Причём чем старше они становились, тем тяжелее это Свете давалось – видимо, глубинная уверенность потихоньку проигрывала, и стресс заедал всё больше!

Короче, с таким подходом устраиваться на работу психологом было просто глупо – самой можно загреметь с нервным срывом.

А кем тогда работать? В том милом художественном салоне, где она как-то подвизалась трудиться консультантом-продавцом? Так там оплата ниже плинтуса, да и подо-

зрение о том, что некоторым тамошним гениям не помешает посещение... нет, уже даже не психолога, а психиатра, Свету не оставляло!

– Приходит такой... и давай мне рассказывать, что именно значит то буро-чёрное месиво его авторства. Да я вообще-то и сама могу сказать, что... только страшно – пристукнет гениальным творением и употребит на производство следующего... – так рассказывала Света мужу о своей работе.

Да, ведь было же время, когда они оба хохотали от Светиных описаний, а Витька клялся, что лучше он сам чего-то рисовать будет и там продавать, только бы его жену всякие психогении не пугали.

– Не вспоминать! Нельзя вспоминать! – решительно приказала себе Света. – Ева правильно говорит – стоит только расслабиться, и всё! И он опять возьмётся за своё, а я, как последняя дурочка, останусь на бобах!

Чтобы не остаться на противных бобовых, Света принялась думать дальше, любуясь на себя в зеркало.

– Так, значит, обоим отдавать мужу – глупо. Ладно... второй вариант – можно оставить себе двоих. Тогда свёкор точно выгонит Витьку из квартиры, и я там останусь с детьми. Тогда мне будут алименты, да и так... Мошеновы точно не обидят, они-то знают, что такое ПП!

Это было интереснее – с одной стороны, можно устроиться куда-то на непыльную и спокойную работу, где жить – будет, денег хватит, а с другой?

– А с другой Пашка и Полина вместе! Я точно с ними не справлюсь!

Когда детям исполнилось по одиннадцать лет, Света поняла, что не может больше выносить постоянный стресс от их проделок и решила от этого абстрагироваться! Собственно, именно с этой целью и пошла на курсы повышения квалификации – надеялась, что найдёт там что-то полезное для себя.

– Но... сапожник так и остался без сапог! Зато я там встретила Еву!

Да, подруга помогла!

– Да что ты с ними возишься? Зачем так стрессуешь? Вон в Великобритании всё просто – сдают своих деточек в школы, и всё! И вообще никакой головной боли! Ну, отправь их в какой-нибудь интернат, если они такие отвязные!

– Они не отвязные. Просто очень... беспокойные и постоянно везде лезут!

– Ничего себе не отвязные! Да то, что ты рассказываешь... если бы это моя дочь делала, я бы её точно куда-то сдала давно!

– Понимаешь им всё время больше всех надо. То они маленькие птенца спасали – прибыли ко мне несколько лет назад, и так требовательно – что, мол, надо делать? Да откуда я знаю? Ничего не надо! Потом тёток изводили, в смысле, тёток мужа. Ну, тут я думаю, что даже справедливо было. То с соседом боролись – он мне нагрубил, так они ему к двери

трещотку прикрепили. Незаметно. Но... знаешь, что самое обидное? Что я для них как-то вторична. Они – такая единая команда, и им вообще никто, кроме их самих, не нужен, по моему.

– Так зачем они сами-то тебе нужны? – эта фраза повторялась постоянно и действовала как анестезия, притупляла тревогу, отстраняла и даже как-то успокаивала, примораживала стресс...

Кто бы знал, что любая «заморозка» потом отходит, сменяясь крайне неприятными ощущениями...

– Так, остаётся последняя, третья возможность, которую посоветовала Ева! – думала Света, косясь на почему-то очень довольного Виктора. – Делим близнецов! Я беру себе Пашку, мечтала же о сыне! А мужу отдаю Полину. Алименты мы друг другу не платим, из квартиры меня свёкор всё равно не выгонит – не лишит же он внука жилплощади! Но я уверена, что деньги идти будут – ну, я же зарабатывать много не смогу.

Блестящие серьги качнулись осколками льда, и Света наконец-то успокоилась – она решила, что будет делать!

Правда, слегка удивил Виктор, предложив ехать на Новый год в Москву, да ещё и сделал вид, что по детям соскучился, но Свете так даже лучше! А что? Там она и останется.

– Сюда мне и возвращаться будет попросту не-за-чем!

Радостные крики близнецов в смартфоне мужа застави-

ли её дёрнуться от привычного предчувствия – они что-то опять натворили?!

– Мне это не нужно! Не интересно! – Света вдохнула, выдохнула, представила невозмутимое лицо Евы – вот кто образец непоколебимости и ледяного спокойствия! – Ну, вот так. Всё хорошо! Всё будет хорошо!

Она паковала свои вещи, пока муж уходил на работу, и взяла всё! Даже фикус забрала.

– Свет, ты чего? И растюху берёшь? – рассмеялся Виктор, очень довольный тем, что сумел ускользнуть от прилипчивой охотницы Ирины, которая призывно махала ему рукой в окне магазинчика.

– Беру, конечно! Я, может, о таком всегда мечтала! Заверну его и повезу! – Света категорически не хотела ничего оставлять потенциальной Витькиной симпатии!

Если муж и удивился количеству багажа, то ничем это не выдал. Так Светлана и поехала – с кучей вещей и укутанным цветком в горшке.

Москва встретила снегопадом, обильно разукрашенными улицами, ёлками, толпами предпраздничных людей – это всегда ощущается, когда многие ждут праздник. Пусть он ещё и нескоро, но будет же!

Нет, Светлана не собиралась его никому портить, тем более что за время сборов и перелёта как-то отвлеклась от того, что Виктор – гад и ей срочно надо на свободу – у неё даже как-то настроение повысилось.

– Мамочкаааа! Мамаааа! – крик ПП был неожиданно радостным, словно они и правда скучали!

Света обняла их обоих машинально, так, как в детстве – укрыла руками, как крыльями, хотя они уже почти с неё ростом, а Пашка так даже повыше!

– Ой, мамочка! Я так соскучилась! – Полина выдохнула где-то в районе Светиной шеи, и та обеспокоенно встрепенулась, ощутив, что опять начинает нервничать:

– А что? Вы опять что-то натворили?

– Нет, ничего такого... – взгляд близнецов был так незамутнённо чист, что менее подготовленный человек решил бы что всё хорошо... Но Света-то знала, что это не так.

– А ну-ка признавайтесь, что сделали! – она сдвинула брови.

– Да ничего такого. Просто деда отбили у папиных тётушек! Они тут собирались исправить его жизнь!

Виктор длинно присвистнул – он-то знал, на что способны его тётушки – сёстры отца – несгибаемая Инна и увлекающаяся Мила.

– Так, вы не финтите, а честно признайтесь, всё плохо? Дед на вас рассердился? – Света строго сдвинула брови.

– Мам, да ты что? Наоборот! Мы так подружались! Пап, он тебе рассказывал, что собаку завёл? – близнецы наперебой торопились выложить все новости, да так гомонили, что у Светы тут же заболела голова.

Пока доехали с посланным вместе с близнецами водите-

лем фирмы Мошеновых до дома, пока разгрузились, настал вечер. И это вечер неожиданно пригладил все острые углы, словно напомнив Светлане о том, что вот – её дом. Такой привычный, родной, и пахнет тут приятно – Полина даже печенье испекла к приезду родителей. И машет хвостом пёс сына со смешным именем Перегрин Тук, и посверкивают с Полиных плеч глаза её чёрной кошки Атаки. Всё как-то так мирно...

– Может, и ничего... может, всё наладится? – сонно уговаривал её вечерний свет фонарей, заглядывавших в окна квартиры.

Так не хотелось куда-то двигаться, что-то менять, принимать какие-то решения, ломать вот это всё устаканившееся, привычное.

И тут что-то грохнуло в комнате Пашки.

Светлана, было расслабленно обмякшая в кресле, подскочила так, словно её шилом кольнули.

– Что? Что случилось? Паша! Полина? Что вы натворили?

– Мам, да ты чего? У меня просто стул свалился – я на него Пинов поводок повесил и сам зацепился. Польша, чего ты фыркаешь? Это с любым могло случиться.

Пашка и Поля выглядели озадаченно – всё же в порядке, чего мама так перепугалась?

А у Светланы разом испортилось настроение, особенно стоило ей только посмотреть на мужа, который что-то пролистывал с смартфона.

– Ну, близнецы, пока они вместе, постоянно будут что-то такое делать! Вон – уже явно чего-то придумали! А Витька – наверняка со своей новой симпатией переписывается!

Она тоскливо осмотрела комнату и решила:

– Нет уж! Всё равно надо разводиться, раз решила! Завтра же приглашу в гости Еву – она меня поддержит!

А Поля и Пашка действительно думали...

– Отец что? Опять? – мрачно предположил Пашка.

– Судя по маминому поведению – да, – вздохнула Поля.

– Она такая нервная, подскакивает чуть что. Надо понаблюдать!

И понаблюдать было за чем. Точнее за кем – когда близнецы вернулись из школы, дома уже была гостья.

– Уй, как я эту тётку не выношу! – беззвучно прошипела Поля, с порога заслышав звучный, чёткий, но такой противный для неё голос.

– Что-то знакомое... Это не та ли Евгения, которая «Не смейте меня так называть – я Ева»? – прищурился Пашка.

– Она самая! Мама после неё какая-то прямо замороженная!

– И чего ей надо? Родители только приехали, а она уже тут как тут! – рассердился Паша. – Погоди, Пин, я тоже тебе рад! – прошептал он своему псу, и бородатый эрдель послушно уселся рядом, насторожив уши, сложенные аккуратными конвертиками. – Интересно, а почему меня Атака не встречает? – удивилась Полина и тут же понимающе кивнула

брату на дверь своей комнаты – она была закрыта.

Явно мама там заперла кошку, которая к гостям относилась очень и очень недоверчиво.

– Пойду двери открою! – Поля шагнула было к двери своей комнаты и замерла, услышав противный голос гостьи:

– Так ты придумала, как ты этих... своих детей делить будешь? Себе сына, а мужу дочку, или наоборот?

Глава 4. Такие разные матери

У всех есть свои секреты... что-то такое, что не говорят даже самому-самому близкому. По разным причинам. Иногда потому, что не хочется причинить боль.

Был такой секрет и у Пашки. Чуть меньше трёх лет назад они с сестрой занимались одним мерзейшим типом, который обожал палить их пневматики по птицам во дворе. Объяснялось всё это заботой о здоровье проживающих рядом людей, мол... голуби и вороны – разносчики заразы.

Одного подранка ПП сумели спасти и втихаря продержат на балконе в Полиной комнате, пока он не окреп, но многим, слишком многим не повезло. Поэтому ПП взялись за дело и со свойственной им энергичностью принялись разрабатывать меры против «вольного стрелка».

В тот день Поля осталась во дворе – караулила одного из соседей с отчаянно дорогой машиной, которую слегка поцарапало пулькой от пневматической винтовки «охотника», а Пашка помчался домой за одним полезным техническим приспособлением.

Именно тогда он и услышал то, что для его ушей явно не предназначалось:

– Ты же говорила, что хотела только мальчика, помнишь? Вот и оставила бы себе его, а девчонку... ну, не знаю, отдала бы родственникам мужа, если уж тебя так совесть мучает.

Ты же постоянно вздыхаешь, что с ними обоими не управляешься, так зачем страдать? Как ты не поймёшь, что твоё счастье гораздо важнее всего остального! Почему ты должна как-то себя обделять?

Пашка замер как суслик у норы, а потом беззвучно прокрался к приоткрытой комнате.

Если бы Ева тогда была у них дома, целой и невредимой она бы оттуда не вышла. Всё-таки в десять с небольшим у ПП самообладание было послабее. Не таким прокачанным, прямо скажем.

Но, к счастью для этой ледниковой тётки, она разговаривала с мамой ПП по громкой связи.

– Да признайся уже сама себе, чего ты боишься! Вот скажи вслух – я не люблю дочь! Скажи, и тебе полегчает!

Пашка отчаянно порадовался тому, что Полины рядом нет, а потом прищурился... мама помолчала, а потом негромко ответила:

– Я не могу так сказать!

– Это в тебе боязнь общественного порицания, боязнь реакции системы. Как же так – мать не любит ребёнка! Да такого быть не должно, она негодяйка, ату её!

– Ев, ну... ну не все же так, как ты, к детям относятся!

– А! Так что, ты тоже меня осуждаешь? А какое ты имеешь на это право? Я-то обеспечила своей дочери самое лучшее – она с любящим отцом, обожающей бабкой, а ты? Ты ж сама говоришь, что не справляешься с детьми. По-твоему,

ты хорошая мать? Любящая?

Мама притихла, и Паше страшно захотелось распахнуть дверь, выхватить у неё из рук смартфон и выкинуть его куда подальше.

– Я... я слабая мать. Наверное, ты права – нехорошая. Я не могу с ними совладать, не могу руководить ими.

– Ну и занатига нами руководить? – беззвучно злился под дверями Пашка. – С нами просто общаться надо и любить!

– Хорошо, что ты это признаёшь! – довольный голос Евы заставил его покрепче сжать кулаки: – Хорошо, что ты понимаешь – что просто слишком слабая, чтобы честно признаться!

– Да я не...

– Всё, всё, Свет, я тебя поняла, даже если ты сама боишься это высказать вслух, я всё поняла!

Пашка отошёл от двери, злобно прищурившись, и прошипел:

– Поняла она... да что бы ты знала!

Нет, ни разу он не поверил, что мама Польку не любит – видел же, как она носила её на руках несколько ночей подряд, когда они вместе болели коклюшем, но почему-то Польке было гораздо хуже. Помнил, кидалась их защищать, когда они маленькие чего-то боялись. Не забыл, как мама перепугалась за сестру, когда Пашка с Полиной в восемь лет прыгали с крыши гаража в соседском дворе и, неудачно приземлившись, сильно разбили себе колени и локти.

Мама тогда даже бабушку прогнала, когда она пришла и начала на его сестру кричать.

А потом, когда мама не дала бабушке вдоволь поругаться на Полину, которой полагалось быть послушной, прилежной, аккуратной и тихой девочкой, бабушка начала ругать уже свою дочь:

– Да лучше бы ты их не рожала! Ты же не можешь... ничего сама не можешь! Ты справишься с ними не в состоянии, ты – отвратительная мать! Ты обязана была воспитать их так, чтобы они были нормальными детьми, а не стаей обезьян! Ты посмотри, во что по твоей милости превратилась Полина? Это... это же полное безобразие! И виновата в этом ты! Ты всегда была слабой и ни к чему не пригодной! Ни грамма энергии, ни капли самоуважения, ни крошки решительности! И это МОЯ дочь!

Она много ещё чего говорила, близнецы едва-едва не ревели от того, что им было отчаянно жалко маму. Правда, если честно, они не просто так сидели тихо, а собирались выпроводить мамину маму с помощью некоторых хитрых средств, но... но не знали, не сделают ли хуже, вот и выжидали нужный момент.

А потом пришёл отец и выставил бабушку! Да, вот так взял за локоть и решительно выпроводил из квартиры, напоследок сказав:

– Вы из Светки всё её детство делали управляемую куклу – туда не ходи, этого не делай, сиди на месте ровно, не гово-

ри громко, не смейся громко, не лезь в разговоры взрослых, главное – послушание, главное, чтобы ты была такой, какой хочет тебя видеть мать!

– И что в этом плохого? Разве тебя жена не устраивает? – ехидно приподняла бровь тёща.

– Что меня устраивает – не ваше дело! А в том, что вы дочь родную загнали ниже плинтуса, плохо ВСЁ! Так что валите в свою Болгарию и сидите там!

– Ну, Светочка, смотри! Я уйду, но ты учти... ни рубля ты от нас с отцом не получишь, ни одного квадратного метра площади! Когда этот... Мошенков тебя выпнет на улицу, будешь с голой... короче, ты поняла! Так что соберёшься разводиться, думай, где тебе жить, на нас не рассчитывай!

– А что на вас рассчитывать-то? Вы как уехали, так и живёте в домике у моря и наплевать вам на дочь! Да, может, оно и к лучшему! Такое подальше, воздух чище! Всё. Идите себе подобра-поздорову! – рявкнул отец ПП, прикрывая жену.

– Да ты сам смотри, как она детей воспитывает – они же вырастут какими-то бандитами. Они же никого не слушаются!

– Уж лучше, как они, чем как Света – она же дышать без вашего приказа боялась! Короче, уходите! Нет! Рот закройте и так уходите! ТИИХАА я сказал!

Пашка с Полей много чего уже знали... Знали, что мама не очень решительная, не очень-то сильная, но она их мама. А раз они решительнее и сильнее, то они-то уж смогут защи-

тить маму от бабушки и её родственников!

– Какое счастье, что они вредные, но умные! А мы все-го-то бачок у одного из дяденек обрушили... Хотя, что это я? Он сам того... упал. Да и так... по мелочам! Ещё у одной родственницы книги из шкафов вышли. Все сразу! Ну, а что? Сказано нам было сидеть и никуда не ходить два часа, типа мы наказаны, так мы и не ходили – просто книжный шкаф слегка раскачали и уронили – кто ж знал, что там такой нервный шкаф? И вообще, как только они нас приглашали, чтобы учить дисциплине, сразу почему-то очень расстраивались – дисциплинированно так. Прямо как по команде! – обменивались мнениями ПП, которых родственники со стороны мамы понемногу признали неисправимыми и оставили в покое.

Правда, «неудачнице и слабачке» Светке периодически звонили – рассказать, что её мама про неё говорит. Но это ПП тоже пресекли.

Да, наверное, нехорошо... но как только кто-то из московских родичей звонил и расстраивал их маму, вот странность какая... приходилось расстраиваться самому. Наверняка совершенно случайно!

Да, после этого они опять звонили и жаловались на ПП. Причём больше на Полю – Пашке, как мальчику, видимо разрешалось слегка покуролесить, а вот Поле – ни-ни!

– Отстань от моей дочери! Она у меня самая лучшая, самая умная и замечательная! – это Пашка когда-то собственными ушами слышал, как мама говорила, так что ни разу он

не поверил в то, что мама Полю не любит.

– Ерунда это! Просто... её легко заставить подчиняться. Да ещё бы, если всё детство дрессировать, как нам бабушка и тот двоюродный «унитазно-плавучий» дядечка рассказывали, это немудрено!

Именно так решил для себя Пашка. Именно исходя из этих своих секретных сведений и знаний, он принял решение и, стоя в прихожей, под дверью, за которой вещал холодный, мерзкий голос Евы, подставил Польке классическую подножку!

Полина, как подкошенная, рухнула, ударившись боком об обувницу, и вскрикнула от неожиданности и боли.

К ней тут же прибыл сочувствующий Пин и начал водить носом по ушибленному месту.

– Ну... ну... – Пашке было отчаянно жалко сестру, но он знал, ради чего и зачем это сделал, вот про себя торопил мать. – Ну, давай же!

Через миг дверь комнаты распахнулась, оттуда выскочила их мама и кинулась к Полине.

– Поля, солнышко, что? Ты упала, ударилась? Где болит? Погоди... ты УПАЛА? – Света перепугалась – её дочь никуда ниоткуда не падала уже довольно давно.

– Паш, что случилось? – она повернулась к сыну.

– Да, я тоже не очень поняла... – Полька покосилась на брата. Она-то точно знала, что ни обо что споткнуться не могла – не было ничего такого на полу.

– Поль, прости, я хотел обувь снять, да, наверное, ногу неловко выставил! – «честно» признался Пашка.

Он потом скажет сестре, что это было специально, но уж точно ни за что не будет говорить, что именно он пытался предотвратить! Хотя... почему пытался – всё получилось.

– Вот и все разговоры и переливание из пустого в порожнее. Полька только пискнула, а ты уже дверь вынесла! – думал он, мысленно обращаясь к матери.

– Света, честное слово! Что за ерунда! Что ты как квочка. Им скоро по пятнадцать, а ты всё на ушибленные коленки дуешь? Ты знаешь сейчас на кого похожа? – в дверном проёме обнаружилась Ева, с превеликим презрением кривящая губы в сторону Светкиных детей и её самой. – На ту малахольную из совкового детского фильмеца. Ну, помнишь, про солдата, барабан и белобрысого мальчишку, который мать пошёл доставать у водяного? Она жила себе в хоромах, горя не знала, а тут этот... выползыш появился, и давай ныть «Мама-мама, пойдём домой»!

Видно было, что Ева хочет ударить побольнее, чтобы Светлане стало неловко, чтобы она отодвинулась от девчонки!

Только вот Поля, наскучавшаяся по маме, всхлипнула, и Света машинально покрепче прижала её к себе.

– Ой, прямо вообще идиллия! Ладно, когда устанешь от роли матери-квочки, которая не может управляться со своим стадом, позвони! – она небрежно подхватила шубку, скольз-

нув взглядом по неподвижно стоящему в прихожей пареньку с собакой, и только потом, уже у лифта, сообразила – с такой лютой, ледяной ненавистью на неё давно никто не смотрел.

Правда, Еву это ничуть не напугало – она не считала, что неправа.

– Конечно, им приятно, когда Светка вокруг них бегает вприпрыжку, когда есть взрослый, над которым можно поизгаляться вволю. Им только этого и надо. А все вокруг наперебой только и верещат, мол – это ж дети-дети! Да пошли они все! Я никому не позволю себя использовать!

Впечатление от чёткого шага и гордо поднятой головы оказались слегка смазаны из-за здоровенной лужи, оказавшейся на пути Евы, так что дальнейший путь был озвучен слегка хлюпающим левым сапожком.

Полина так и крутилась около мамы, или наоборот... сложно было понять, да Пашка и не пытался. А вот он сам обдумывал некий финт ушами.

– И что мы можем сделать? Работает она в каком-то журнале, живёт довольно далеко. Испортить ей тачку? По-моему, у неё машина есть, но по большей части она пешком ходит. Ну ладно, пешком... по дороге, куда бы она ни шла, устраивать полосу препятствий? А школа? Её, однако, никто не отменял.

Да и вообще, все меры, которые они могли применить к такой особе, как-то не подходили!

– Я уж не говорю, что мама с ней часто общалась, могла и про нас рассказывать много. То есть эта тётенька, если не дура, рассчитает, что это мы. А что ещё хуже, может маму этим расстраивать – вот, типа ты никудышная мать, у тебя дети хулиганы. Ну уж нет! Хотя...

Вот с этого «хотя» начинались очень и очень многие приключения ПП.

Впрочем, Пашка был вполне способен и на неординарные шаги.

– А что? Кто мне мешает? – он подумал, взвесил все за и против, и, когда Полина заглянула к нему в комнату – выяснить, а что это такое было в прихожей, брат уже самодовольно ухмылялся, валяясь на кровати.

– Паш? Ты мне ничего не хочешь сказать?

– Хочу! Извини за подножку, а теперь скажи мне, какой я дваждымолодец!

– Извинения приняты, а почему дваждымолодец?

– Да потому, что я, кажется, придумал, как обесточить Еву. По крайней мере, ей будет сильно не до того, чтобы нашу маму травить.

– И какая же у тебя идея? – живенько заинтересовалась Полина.

– Подобное подобным! – Пашка глубокомысленно поднял вверх указательный палец.

– У нас, к счастью, ничего подобного и близко нет!

– Поль, да не по мерзости, а по стремлению влезть в чу-

жую жизнь и научить там всех, что «так не надо, а надо вот так»!

– Кроме нас с тобой? – хихикнула Поля.

– Разумеется, о присутствующих – ни слова! – принял важный вид Паша.

– Ну, тогда бабИнночка и бабМилочка, – догадалась сообразительная Полина, безошибочно назвав дедушкиных сестёр.

– Фууу, вредная ты всё-таки! Я-то хотел поумничать, а ты? Взяла и догадалась.

– Так, ну ладно. Догадалась я про них, а дальше-то что?

– А дальше наши двоюродные бабушки узнают о том, что какая-то гангрена пытается испортить наши с мамой отношения. Как ты думаешь, что они сделают?

Поля усмехнулась. Да, и Инна и Мила регулярно прибывали к ним и пытались учить их маму воспитывать детей, вести хозяйство и прочее, и прочее, но, во-первых, они, наученные печальным опытом, особо не настаивали, а во-вторых, как-то пообщавшись с маминой мамой, стали значительно мягче к ней относиться.

– Я бы сказала... с жалостью и покровительственно, – сформулировала про себя это явление разумная Поля.

Так что, когда брат предложил использовать родственниц, Поля немного подумала и сказала:

– Да, знаешь, может получится!

– Опять же, на праздники им будет чем заняться! – посу-

лил добрый и щедрый Пашка, вставая с кровати и натягивая на себя свитер.

– И куда это ты?

– К Мишке сбегая, заодно Пина выгуляю. Ты со мной? – много можно узнать о человеке, когда живёшь с ним нос к носу целых тринадцать с половиной лет!

Пашка был уверен, что сестра откажется – она явно предпочтёт побыть с мамой, недаром же так тосковала и даже плакала, когда та не звонила.

– Нет... знаешь, иди один. Я дома побуду.

– Хорошо. Кстати, последишь, если опять эта Ева объявится – ну, позвонит жалом поводить, отвлечёшь маму от неё.

Он уже почти вышел из комнаты, а потом подзадержался у двери и спросил:

– Как ты думаешь, зачем ей это?

– Думаю, что она пытается саму себя убедить в том, что она нормальная. Если ты одна, а вокруг все совсем другие, наверное, это как-то смущает. Вот она и тянет других в свой ледниковый период. Она как такой... айсберг. А мама у нас... ты знаешь, она своей мамой сильно морально прибитая. А тут ещё и папа перестал быть ей опорой. Так что, конечно, против этой заразы она ничего противопоставить не может.

– Умная у меня сестра, аж жуть берёт! – рассмеялся Пашка, уворачиваясь от дружески брошенного сестрицей тапка и крикнув маме, что уходит с собакой.

Глава 5. Не всё из детства

Хорошо, когда есть настоящий друг! Ещё лучше, если он тебя понимает от и до... И даже молчит вовремя, давая выговориться. И вопросы лишние не задаёт, потому что есть такие вещи, которые не предназначены ни для кого, даже для самых-самых лучших друзей!

Пашка никогда не рассказал бы никому о том, что касается его мамы и Поли – это их личное – самое-самое. Такое нельзя озвучивать.

А вот про внешние факторы рассказать бывает что и полезно! Тем более что Мишка в такой атмосфере жил, причём жил долго! И хуже ему было – полагаться-то было не на кого – это им с Полькой повезло – они, если что, всегда спина к спине и друг друга прикроют!

Так что Пашка, мирно выгуливая Пина с Мишкой и его псом Тимом, делился последними новостями, пригодными для озвучки.

– Я уверен, что Инна с Милой из той ледниковой бабы полуфабрикат глубокой заморозки изготовят, но вот как у родителей дальше получится... не знаю!

– Думаю, они и сами не знают, – понимающе вздохнул Мишка, от души жалея ПП.

И это было чистой правдой!

Виктор, отчитываясь по работе филиала перед отцом, то

и дело отвлекался, пытаюсь сообразить, как его встретит сегодня Света – вчера-то она ушла спать в гостиную, а что самое тревожное, ни на какие его попытки поговорить не поддавалась.

– Виктор! В чём дело? – старший Мошенов начальником был требовательным, так что отстранённый вид сына просёк сразу.

Нет, по-родственному немного потерпел – мало ли, может сын сам оклемается и перестанет в облаках витать, но терпение-то небезгранично, а времени мало!

– Витька! Новый год на носу, год закрываем, а ты кота за хвост тянешь! В чём дело?

– Да... со Светкой нелады! – признался сын – всё равно родители всё просекут, как только они в гости на праздник к ним приедут.

– Со Светой? А не с тобой? То есть она поняла, что у тебя опять симпатия завелась, и это с ней нелады? – Александр Павлович тяжело вздохнул.

Ему в зубах навязла расхожая истина о том, что всё идёт из детства! Да, многое именно оттуда, но почему напрочь не принимаются в расчёт решения уже взрослого мужика, который рос в полной семье, более того, в очень любящей и заботливой семье! А сам... сам, задравши хвост, как озабоченный суслик, гоняется за любой симпатичной юбкой?

– Я никогда не изменял его матери! Ни в молодости, ни потом! Ну вот вам его детство – откуда это полезло? Что его,

бромом поить, что ли? – думал Мошенков-старший.

– Пап... ты чего так на меня смотришь? – озаботился Витечка, слегка поёжившись.

– Да вот... думаю, откуда в тебе это?

– Да ладно тебе, не всем же так с женой повезло, как тебе.

– Вить, а чем тебе со Светой не повезло?

– Понимаешь... нашла какую-то подружку сумасшедшую, которая подговаривает Светку к разводу – я сам слышал! И представь... она её и слушает!

– Вить, у тебя как с логикой? – нахмурился отец. – Ты ей изменил, насколько я понимаю, уже не первый, не второй и даже, возможно, не третий раз. И она... вот не повезло-то тебе, слушает подружку, которая советует ей развестись! Не взяла сковородку и не отходила тебя как следует, а только собралась развестись! И ты весь такой обиженно-задумчивый, что даже на простой вопрос по работе ответить не можешь!

– Да что ж такое? Почему ты её поддерживаешь? Небось и мама тоже?

– И мама тоже! Да просто потому что у тебя Света человек хороший, но не очень сильный. Она когда за тебя замуж выходила, помнишь, мы с мамой тебе говорили, что ты – реально становишься её опорой. Это не для красного словца! Она не может без такой опоры, сразу теряется.

– Знаю я... только... только я ж не всерьёз. Я ж никуда не ухожу. Ну, так... чуть увлёкся!

– А если она кем-то чуть увлечётся? А что? Если на мужа

никакой надежды нет, опереться не получается, то она ж тоже может себе кого-то найти и чуть увлечься!

– Светка? Да ни за что! – самоуверенно передёрнул плечами Виктор, и тут же примолк, чуть прищурившись.

Каждый меряет по себе, вот и Виктор внезапно засомневался – жена-то у него красавица, нежная, женственная. Он рядом с ней всегда себя ощущает сильным, уверенным в себе. Ухх каким! А если...

– Неее, не может такого быть! Светка очень верная! – подумал он.

– Что ты там примолк? Хорош затылок чесать – давай докладывай, что там у тебя вышло по филиалу! – приказал старший Мошенов, с досадой подумав, что не с руки ему намекать невестке, чтобы она хоть вид сделала более легкомысленный, раз уж дурню-Витьку так приключений охота, что он их на стороне ищет!

– Мне вот это было совсем ни к чему, а ему, похоже, по заправку получить надо! Если не сковородой, так хоть подозрением, что на жену претенденты имеются! – сердито поморщился Мошенов. – Да как же! Всё из детства, всё из детства... Не всё! Кое-что из собственной дури! И иногда этого «кое-чего» очень приличное количество!

Виктор ехал домой в дружеской компании отца-начальственного нагоняя, дурного настроения и... внезапного вспыхнувшего подозрения о том, что та самая мерзкая подруга Евгения, которая Ева, не просто так Светку настраи-

вает на развод!

– А если есть какой-то ухажёр? И эта самая Женька-Евгенька в его интересах так колготится?

Качнулись и подмигнули Виктору льдистые серьги в акуратных ушках его жены, заискрилось кольцо на изящных пальцах.

– Ну, она у меня, если честно, очень красивая! Да... вообще-то красивее Ирки, да и той, которая раньше была... И рядом с ней себя прямо орлом чувствуешь! А если... а вдруг на неё кто-то глаз положил!

Его подозрения подкрепила какая-то непонятная атмосфера, царившая дома – Полина со Светой готовили в четыре руки, причём было видно, что обе плакали, но не из-за ссоры – иначе почему поминутно обнимаются и улыбаются друг другу?

– И чего это? – озадачился Виктор – последнее время Света была как замороженная. Словно её ничего не интересует. А сейчас что-то явно изменилось!

– А где Пашка? – он, как партизан в разведке, осторожно заглянул в кухню.

– С Пином гуляет, скоро придёт. А может, и не скоро – он к Мишке хотел зайти, – Поля покосилась на маму, которая готовила, не обращая никакого внимания на отца.

– Ну вот! И голову на меня не повернула! А ну как уже сказала Поле, что решила развестись? – Виктор, как не вовремя проснувшийся и поэтому злобный бурый медведь-ша-

тун, ввалился в комнату и затопал там, через раз спотыкаясь об угол кровати.

– Что-то не так! Не так что-то. Вот-пря-м-чую!

Он сам мог легкомысленно себя вести – но это ж другое, а вот жена всегда и во всём была исключительно надёжна, а тут...

– Ух, кажется, тут я попал! – всерьёз встревожился Виктор. – Ичёделать?

Вопрос из серии вечных так просто не отвечался...

Разводиться после первой попытки, которая приключилась три года назад, Виктор категорически не собирался, решил, что этого для жены достаточно – вон... она же не скандалит, не истерит, наоборот, такая спокойная стала, что аж странно.

– И почему я не понял, что это странно – плохо? Что когда женщина СЛИШКОМ спокойна – это не к добру?! – запоздало заперезживал Виктор, поминая недобрым словом женину подругу, хищницу-Ирину из цветочного магазина и, до кучи, свою ненаблюдательность!

Света резала лук и плакала, плакала... собственно, того количества лука, который пал от её ножа, хватило бы на роту солдат!

– Мам, а мы чего? Будем луковый пирог печь? – осторожно уточнила Полина.

– А? Аааа, ну да... можем и пирог! – спохватилась Света

и снова взялась за луковицу – хоть какое-то алиби для того потока из глаз, который никак не хотел останавливаться.

Света часто считала, что всё делает неправильно, но, пожалуй, ни разу в жизни не чувствовала к себе такой ненависти, аж внутри всё сворачивалось и мелко подрагивало.

Как она вообще могла так думать о Поле и Пашке? У неё что? В голове помутилось? Да что она вообще за мать? Да, права, права Ева, она никудышная! Мало того что не может никак толком их воспитать, как-то справиться со своими обязанностями, так ещё и ТАКОЕ думала! Даже рассуждала о том, кого взять, кого оставить!

Да она даже полосатый фикус забрала, а детей оставить хотела?

– Мам! Ты руку порезала! Мамочка, ну, ты что? Разве же можно с закрытыми глазами резать лук?

Полина суетилась вокруг мамы, заклеивая порез, а потом силой отняла крепко зажатую луковицу и отвела к кухонному диванчику.

– Мамочка, ну почему ты плачешь? Больно? – Поля просто не могла это видеть! Да лучше бы сама порезалась!

– Я... я же думала, что совсем вам не нужна! Я не могу вам больше ничего дать, не умею... не успеваю за вами. Я слишком слабая, понимаешь?

– Да с чего ты взяла-то? – изумление Полины было абсолютно неподдельным! – Мам, ты нам так нужна! Очень, понимаешь? Я думала, что это мы тебе уже не нужны. Ты... ты

уехала и почти не звонила. А эти интернаты...

– Поль, но я не справляюсь! Я не могу вам дать того, что вам нужно!

– А ты спрашивала, что именно нам нужно? Ты нам нужна! Вот такая, какая есть! С чего ты взяла, что какая-то слабая и неумелая? Что ты вообще такое должна уметь? Быть суперагентом?

– Ну... вы же у меня такие...

– Мы такие, потому что ты у нас рядом, понимаешь? Мы можем себе позволить быть какими угодно, но ты нас всегда прикрываешь. Ты никогда не ругалась на нас, не разобравшись. Не позволяла кому-то нападать на нас! Это что, слабость?

– Но я же не справляюсь! Это неправильно! Дисциплина... Я не могу вами управлять.

– Мам, давай мы вот это всё оставим для кого-то другого! А управлять нами вообще не надо. Мы же не роботы-пылесосы! Ты просто не уходи от нас, ладно?

– Но у вас же есть значимые для вас люди – есть Нина, дед, бабушка. Этот... Нинин муж.

– Есть! Но самая значимая, нет, не просто значимая, а любимая и нужная – это ты! – Полька посетовала про себя, что раньше не подумала о том, что взрослым-то тоже важно это слышать.

Вон, мама даже плакать перестала!

Они долго сидели вместе, крепко обнявшись, на плите

задумчиво булькал бульон, истошно пах мелконарезанный лук, кошка Атака укоризненно чихала в коридоре, опасаясь входить в такую агрессивную луковую среду, короче, в доме воцарилась на редкость гармоничная атмосфера.

И тут Света очнулась:

– Поль, а... а папа? Он для вас очень значимый?

– А почему ты спрашиваешь? – Полина прямо шкуркой чуяла, что вопрос задан вовсе не просто так.

– Я... я, наверное, буду с ним разводиться! Вы со мной останетесь или с папой?

– Мам, чего ты спрашиваешь? Мы же тебе ещё в первый раз сказали, что мы с тобой! А что? Он опять, да?

– Поль, я не могу на эту тему говорить, понимаешь? – вздохнула Света.

– Понимаю-понимаю! – покивала Полина. – Ладно, мам, ты не расстраивайся! Вместе мы и это переживём! Так, а чего ты опять плачешь?

Ну, не скажешь же, отчего? Оттого, что отходила заморозка, в которую она сама себя погрузила, оттого, что едва-едва не предала своё самое дорогое и любимое. А может, потому, что её жизнь всё такая же никчёмная, как и говорила её мать! Выходит, что она была права – не удержала она мужа. Дети останутся без отца. Но...

– Но невозможно же ждать, пока он сам меня выкинет! А я каждый раз цепенею от ощущения, что это будет вот-вот!

У неё уже несколько лет не было той самой непоколеби-

мой опоры, которая позволяла ей чувствовать себя сильнее, не сгибаться под тяжестью своего несовершенства.

– Да, я знаю, что я слабая, неудачница и всё такое прочее, но что теперь? Все разные, наверное, и такие как я иногда бывают, – думала она, машинально помешивая суп, в который преобразовался бульон. – И что ж мне делать? Наверное, просто радоваться тому, что у меня есть дети! Самые-самые!

Невовремя вспомнилась Ева, её презрительная ухмылка, её колючие слова.

– Не любит она свою дочь – её дело. Что мне до неё? А я... я люблю! Пусть я отвратительная мать, но, если я им хоть чуточку нужна, я буду рядом!

Полина мысли читать не умела, зато выводы делала прекрасно:

– Опять, небось, переживает из-за бабки и её высказываний. Жаль, что нельзя это взять и как-то выкинуть из памяти! Раз выкинуть не можем, будем отвлекать!

Вот уж что-что, а это Поля умела делать прелюбопытно, она в лицах рассказывала об их с Пашкой летних приключениях, о жителях и живности, которые проживают в одном совершенно сумасшедшем, но таком хорошем дачном посёлке.

Света поначалу улыбалась невесело, виновато – как же! Это она не устроила времяпрепровождение своих детей, спихнув их на Нину, но через некоторое время уже смеялась, не в силах противиться обаянию этого странного, то такого тёплого и славного места.

– У Мишки есть кот Фёдор. Если честно, я не знаю, может, и наоборот – у кота Фёдора есть Мишка.

Поля много чего рассказала про Пашкиного друга и его кота.

– А ещё там есть Эдик! Мам... ты видела кота, который бы спал на пицце?

– На какой? – изумлялась Света.

– Хороший вопрос – пиццу с салями он облизывает – колбасу зачищает. А на пицце со шпинатом улёгся спать – она тёплая была, и, по его мнению, несъедобная – мне его хозяйка жаловалась!

Приход мужа в атмосфере, где царили коты, собаки, минипиг, козы и куча креативных гусей, прошёл как-то мало-заметно – пришёл и пришёл!

Света даже внимания особого на него не обратила, не зная, что тем самым повергла супруга в крайне озадаченно-мрачное состояние.

Пашка с Пином вернулись в абсолютно беззаботно-заснеженном виде. Причём непонятно было, кто больше извалялся в снегу – пёс или его хозяин. Обоих чистила Полина, и происходило это на сторонний взгляд просто и обыденно. А на самом деле – тайно-совещательно.

– Не разговаривают?

– Нет. Мама собралась разводиться. Причину не говорит, но судя по тому, как ведёт себя отец... Ну, ты понял.

– Понял, чего ж тут не понять! Так, стоит ей разводиться

или нет, это она сама разберётся, но вот ту гадину-Еву мы должны убрать, и подальше! Завтра поедем типа к Мишке, он в курсе и прикроет, а сами – к бабуле Иннуре!

– Ты договорился?

– Само собой!

– Что сказал?

– Что нам очень нужен их ценный совет! Причём, обеих!

– А Мила-то сможет?

– Гыыы, я ж сказал, что изложим всё, только когда они обе соберутся, так Инна Милу из-под земли выкопает и при-тащит!

– Тоже верно! – Полина почистила брата, потом, гораздо более нежно – Пина, а потом очень нехорошо усмехнулась. – Если я что-то в чём-то понимаю, то наши бабтётушки будут в восторге от возможности пообщаться с этакой цуцей.

– А что такое цуца?

– Это смесь цацы и будущего цуцика! – с превеликим апломбом ответила Поля.

Глава 6. Две сестры

Звонок Пашки с просьбой о совете был штукой не просто редкой, а просто... просто небывалой!

Инна Павловна Мошенова преисполнилась такой гордости, таким чувством нужности и необходимости, что, если бы её сестрица Мила сама не стала бы рыть копытом от нетерпения и желания к ней завтра приехать, приволокла бы её силком и пинками!

– Посоветоваться... – счастливо улыбалась Инна. – Доросли ПП! Осознали, что я – самый мудрый человек в семье!

Правда, это высказывание, озвученное в беседе с Милой, едва-едва не стало причиной очередной ссоры сестриц:

– Почему это ты?

– Да потому, что мне Пашка позвонил!

– И что? И ты прямо сделала такие далеко идущие выводы из простого звонка?

– Да ты просто завидуешь, что именно мне позвонил двоюродный внук!

– Ой ли... а не ты совсем недавно рассказывала, что он неуправляемый хулиган? – расхохоталась Мила. – Или у тебя склероз?

– Нет у меня никакого склероза! – оскорбилась Инна. – Я же только что сказала, что он дорос до осознания и понимания! Это ж подростки – у них развитие скачкообразное! Так

что прими как должное – именно мне звонил Паша!

– А мне – Полечка! – парировала Мила. – Я всегда знала, что она умнее!

– Да? Тебе Полька звонила? – опешила Инна. – И что сказала?

– То же, что и Пашка тебе! Только ещё добавила, что мы им очень нужны обе, потому что проблема, о которой они хотят посоветоваться, сложная, и подходить к ней нужно разнопланово!

– Ээээ, ну и ладно! Только вот всё равно едут-то они ко мне!

– Да, и Полечка мне объяснила, почему – тебе ко мне ехать не так удобно! Они даже рассчитали, кто из нас где работает! – расплылась в улыбке Мила

– Вот я ж говорила – повзрослели, а ты всё возражаешь!

– Да ничего я не возражаю, это ты ничего не поняла!

Дальнейший разговор был наполнен привычными, но от этого не менее восхитительными колкостями, которыми обменивались сестрицы, а потом так же привычно перетёк во вполне мирную калькуляцию брёвен в органах зрения знакомых и дальних родственников.

Короче говоря, в назначенное время обе бабушко-тётки как штыки сидели ждали ПП. Разумеется, тут же сцепившись:

– Ой, ну надо же! Ты даже торт купила... – ахала Мила, делая удивлённые глаза.

– А что тебя смущает? Я работаю на приличной должности, хорошо зарабатываю, могу себе позволить прилично накрыть стол к чаю! Так, знаешь ли, принято!

– Да что ты говоришь! А я и не знала! Кстати, я тут прибавку к зарплате получила, так что зарабатываю не хуже. Да и про угощение к чаю в курсе, нас одни родители воспитывали, если ты забыла!

– Так чему же ты изумляешься?

– Как чему? Тому, что торт стоит у тебя в прямом доступе, а ты ещё даже не посыпала его ни одной из своих индийских вырвиглазных специй!

– Я умею отличать законченное кондитерское изделие от блюда, которому надо дополнение! – парировала Инна. – А вот ты? Что такое с тобой приключилось, раз ты ещё не кинулась передвигать стол и перетасовывать чашки? Как ты могла допустить, чтобы твоя энергия ци кружилась тут абсолютно бесхозной?

Они бы много ещё чего сказали, но звонок домофона заставил обеих отодвинуть в сторону их привычные «комплименты» друг другу.

Правда, пока Инна шла открывать дверь, она неосознанно покосилась на кухню, прикидывая, не нужно ли принести к столу натуральную корицу, недавно полученную из Индии, а Мила торопливо передвинула-таки стулья, расширив русло для свободного протекания энергии в гостиной её безалаберной старшей сестры.

– Паша, Поля, заходите-заходите мои дорогие! Милка, включи чайник! – командовала Инна из прихожей, провожая внучатых племянников в гостиную.

– Милка, верни стулья назад, как стояли! А то... а то я тебе твою ци усилию перцем и корицей в чай! – рыкнула Инна, покосившись на ПП – те даже и не думали смеяться.

Так... только чуть дёрнулся глаз у Пашки и чуть прищурилась Поля.

– Ну, сначала чай и торт, а потом – рассказывайте! Хотя нет! Сначала рассказывайте, а то я изведусь совсем! – велела она, решив брать командование на себя – зря, что ли, она тут старшая!

– Совести у тебя нет! Даже эти... Бабы-Ёги сначала путников кормили, поили, в баньке парили, а потом вопросы задавали! – ввернула вредная Милка, намеренно коверкая название сказочных персонажей.

Правда, вредничала она не очень уверенно. Самой хотелось узнать, что такое случилось у близнецов, чтоб они – небывалый случай – попросили их с сестрой совета.

– Тётеньки! Нам нужна ваша помощь! – с тяжким вздохом выдал Пашка, и Инна чуть не села мимо стула, хорошо хоть Милка его вовремя подтолкнула к сестре.

– Чтааа? – ахнула Мила, правда, потом тут же поправилась и отреагировала более достойно: – Пашенька, расскажи нам, что случилось?

– Привязалась к маме какая-то подруга... и её так рас-

страивает, так изводит! – вступила Поля.

– Тааак... и что за гангрена? – насторожились обе сестры.
– Что ещё за подруга?

– Да вот... заявляет, что мама – плохая мать, что нами никак не управляет, что должна с папой развестись и нас ему оставить! – горестно покачал головой Пашка, а Поля умело добавила:

– Вы же знаете, что мама расстраивается легко, да и вообще не такая сильная и выносливая, как, например, вы. Но разве она в этом виновата?

Нет-нет, обе сестры неоднократно рассказывали друг другу о том, что Витькина Светка – слабосильная команда, что без опоры прямо падает, что мать никакущая, потому что с ПП справиться никак не может, управляться с детьми не умеет, но...

Что позволено Юпитеру, нипочём не позволено какой-то коровище, которая именует себя подругой, а сама... нет, вы только подумайте! Рушит семью их племянника, расстраивает их племянчатую невестку и вообще несёт ТАКОЙ БРЕД!

– Тааак... – слаженным хором протянули Инна и Мила, мрачно переглянувшись, и это «тааак» прозвучало реквиемом по опрометчивой Евгении. – И откуда же это такая красивая тётенька к нам пожаловала? А?

– Светочка, конечно, не виновата! Она... просто нуждается в опоре, а Виктор... – начала было Мила, но тут же ойкнула, сердито покосилась на сестру, ловко пнувшую её под

столом, и спохватилась – ну да... детям же про романы отца рассказывать как-то не того... неправильно!

– Хотя это ж ПП. Они наверняка всё знают! – думала Мила. – Но с Витькой мы потом разберёмся, а вот с подружкой этой... Надо срочно что-то делать. Ишь, полезла в чужую семью! Да, Витька тот ещё муж, прямо скажем, но не посторонним бабам решать, что делать Светочке!

– Да, что и говорить, Света слабенькая, податливая, я б на её месте Витьку уже в рога винторога завертела, но она, бедненькая, так не может, а тут ещё какая-то змеища! Это ж надо, человеку соль на раны сыпать, да ещё горстями, да ещё про детей! Ах ты ж... ну, погоди! – рассуждала Инна, а вслух задала вопрос по существу:

– Паш, а что это за баба?

– Тридцать девять лет, замужем, живёт с мужем в его квартире, с ними же проживают их дочь и мать мужа, – Пашка достал планшет и поочередно предъявлял фото самой Евгении, её мужа и всех прочих.

– Дочь свою она терпеть не может! На её личной страничке в соцсети куча постов о том, что детей любить необязательно, что и хотеть-то их – глупость, и вообще, если мужья настаивают на детях, то надо их им и оставлять! Пусть сами возьмётся, – добавила Поля.

– Хм... чайлдфри, которая зачем-то родила и прикукушила дочку свекрови? Оригинально! – переглянулись Мила и Инна.

гулёну! Только такая глупая и зависимая от чужого мнения женщина может сомневаться в необходимости уйти как можно скорее от этого негодяя, оставив ему его отпрысков! Да-да! У родителей равные права – оставьте детей тем, кто их хотел, и будьте счастливы, свободны и независимы! Не нужно прислушиваться к совковому наследию, не нужно хоронить свою жизнь, обделяя себя радостью, жертвуя всё, что у вас есть, на бессмысленные, пускающие пузыри и вопящие кульки! Пусть о них заботятся те, кто их так жаждал, а вы, вы должны добиваться своего счастья, делать карьеру, путешествовать, наслаждаясь каждым днём своей жизни! Ваше счастье превыше всего! Любите себя, цените себя, не поддавайтесь внушениям тех, кто вас в чём-то обвиняет, хочет принести ваши жизни в жертву бессмысленным младенцам, капризным дошколятам, неуправляемым подросткам! Вот так и моя знакомая, глупенькая и ограниченная Лена Мошкина, почти стала жертвой, просто потому что не в состоянии даже голову поднять и оторваться от своих устаревших установок!»

– Мила, положи лопаточку для торта. Во-первых, это памятный подарок, а во-вторых, есть предметы и поудобнее! – прокомментировала Инна выражение лица младшей сестры. – Поля, отбери у неё лопатку! И вообще, хорош уже читать всякий бред!

– Да ты не поняла! Тут ещё и отзывы есть! Вон сколько. И надо бросать такого мужа и таких детей, и всё бросать, и

быть счастливой. Ещё куча пишет, что все мужики такие. А вот ещё... ещё несколько пишут, что уже побросали детей, платят алименты, стали воскресными мамами и счастливы, занимаются своей личной жизнью, – глубокомысленно покачала головой Мила.

Инна не отставала от сестры:

– Интересно, а зачем заниматься своей личной жизнью, если «фсемужикитакие», а если не все, то всё равно они могут захотеть ребёнка? И что? Опять бросать на мужа, а потом снова быть счастливой и устраивать свою личную жизнь? Мне одной кажется, что логика тут где-то того... скончалась смертью храбрых? Не, ну, я понимаю, не любишь ты детей, не хочешь их, да и хорошо. Никто ж тебя не заставляет рожать насильно – вольному воля! Живи одна и будь хоть по уши счастлива. Или, если не хочешь одна, найди себе мужчину со сходными взглядами, и радуйтесь этому хоть до морковкина заговенья. Дело-то ваше! Но так зачем? Вышла замуж – родила – выкинула ребёнка мужу – развелась – ищет нового мужа.

– Слом системы! – вежливо подсказал Пашка. – Чего-то хочется нового, но всё заканчивается привычным замужем!

– Видать, романтизм заедает! – покачала головой Мила. – Или очень внушаемы, или так злятся на мужей, что с грязной водой и ребёнка выплеснуть готовы! Но мужа-то кто выбирал? Сейчас же даже не скажешь, что гады-родители! Сама выбрала! – она потыкала пальцем в один из комментариев

под статьёй и покачала головой. – Вот бедолага! Послушала такую Евгению и жизнь свинье под хвост! Да ладно бы только свою – дети-то в чём виноваты, что их матери так вышвыривают из своей жизни?

– И вот это... гм... создание смеет Светочку грязью обляпывать, да ещё в семью чужую соваться? – Инна раздула ноздри и нехорошо покосилась на планшет.

– Паш, убери гаджет от греха подальше! – велела Пашке Мила. – А то сестра сейчас его в окно швырнёт!

– Так, погоди убирать! Как там этот журналчик называется? – Инна прищурилась. – Ага... ну-ну. Изданице средней паршивости. И что показательно, мир тесен! Один мой однокурсник работает в Роскомнадзоре... а его дочка недавно развелась с прекрасным зятем, с которым и мой однокурсник и его жена расчудесно дружили! И развелась-то по глупости. Примерно такого разлива! – Инна подтолкнула пальцем несчастный планшет.

– Ого, какие у тебя знакомства! – преувеличенно зауважала сестрицу Мила. – А я вот никаких таких однокурсников не имею, зато у меня есть потрясающе желчная соседка.

– Что, даже более желчная, чем ты? – усмехнулась Инна.

– Да даже тебе до неё как отсюда и до Камчатки пешком! – умело парировала Мила. – Так вот – она свекровь. И на неё разведённые сын и невестка сбросили внука. Нет, они оба очень и очень щедро их содержат, и внука она любит, но мальчишка-то по маме плачет! Короче, времени у неё, пока

внук в школе, полно, цепкость паразитическая, а гнева на таких «любисебябольшевсех» предостаточно! Она с наслаждением займётся преследованием этой Евгении в соцсетях.

– А справится? Как она как с интернетом? – осторожно поинтересовались ПП.

– Салаги! Да она забыла об этом больше, чем вы когда-либо знали! Она на кафедре информатики всю жизнь проработала, на пенсию недавно вышла! – ухмыльнулась Мила. – А надо ей будет – напишет программку для отслеживания всего того, что выкладывается в сеть с компа и смартфона этой «себялюбимицы»! Так что особо и искать не надо будет – только отвечай. А уж что ответить, она найдёт. К тому же такую, как она, не заблокировать...

– Вот и славно! Вот и давайте есть торт! – как-то слишком торопливо предложила Инна, незаметно подмигивая сестре.

Ну, то есть она думала, что незаметно, но не учла собственное отражение в застеклённой дверце шкафа.

ПП послушно и с аппетитом принялись за торт, мимолётно переглядываясь и усмехаясь – уж они-то видели точно такие же переглядывания у своих тётъбабуль...

– Спорим, что они и самолично Евочкой займутся? – рассмеялся Пашка, выйдя из подъезда Инниного дома.

– Да чего тут спорить-то? Однозначно! Недаром Инна нас услала на кухню, чтобы мы с тобой вдвоём отнесли четыре таких тяжёлых блюдечка от тортика... А вот планшет потом лежал не там, где ты его оставил. Так что все данные уже

переписаны или сфотканы, не знаю уж как им там удобнее было.

– Чудачки они! – нежно улыбнулся Пашка. – Знаешь, это забавно вдруг обнаружить, что невыносимые двоюродные бабушки имеют с нами кое-что общее.

– Прилично этого общего! – поправила Поля брата.

А Виктор тем временем страдал... По всему выходило, что жена настроена серьёзно и не просто на скандалчик-другой, это бы он легко пережил, а на...

– Развод! Вот точно разведётся, и всё!

Стоит только ощутить, что чего-то теряешь, как это самое начинает казаться не просто нужным, а необходимым!

Нет, если бы Света частенько угрожала бы ему разводом или если бы он сам был не прочь расстаться, то он бы только порадовался – баба с возу, ему только легче. Но он-то не хотел!

– Не-не! Светка... Светка она своя от и до. Красавица, умница, жена прекрасная, мать отличная. А потом... ну, как она справится? Она действительно слабенькая. А ну как мать её опять вынырнет из... где она там в домике у моря проживает? Подомнёт же опять под себя!

И, как будто мало было всего этого, где-то на задворках сознания, но весьма активно и настырно замаячил возможный соперник!

– Да полно красивых, пол-но! А вот таких, с которыми

рядом орлом себя чувствуешь, – мало! А она ж ещё и... – дальше следовал перечень положительных качеств жены, которые он как-то подзабыл, а вот сейчас вспомнил все разом!

Нет, он пытался бодриться, а как же!

– Ну ладно. Положим, разведёмся. И ничего, не помру! Вон, вокруг все разводятся! Найду себе помоложе, и...

И настырно звучал в ушах голосок Ируськи: «Что сам? Ну, так... средней паршивости, но где они сейчас лучше-то? По крайней мере, такой... ухоженный и наивный».

Да не просто так, а с уверенным обещанием «Вот у меня он шагу в сторону не сделает, сидеть рядом будет как миленький!»

Видал он такое, как же – приятель, который гордо пригласил друзей отметить его развод со надоевшей старой женой и скорую свадьбу с новой, молодой и свежей, через год за голову держался:

– Чем я думал-то, а? Да, фигура, личико, но дальше-то что? Я для неё как динозавр, со мной ей, видишь ли, скучно! Она ж ничего не знает и знать не хочет, говорить с ней не о чём. Она не работает, готовить не хочет, убирать не собирается. Ладно, ладно, я домработницу нанял, но вот теперь сижу и думаю, а жена-то мне такая зачем? Нет, в том смысле всё нормально, но как-то... как-то оно того не стоит – дороговато обходится. Она ж деньги с карт тянет магнитом, а потом их тратит так... что я так быстро не зарабатываю! Так мало всего этого, она ещё и скандалы мне начала закатывать!

Припомнив это и ещё многие откровения приятеля, Виктор затосковал уже откровенно, а ещё хуже стало, когда он, паркуя машину около дома, узрел свою жену, которую под локоток поддерживал какой-то... ферт!

Нет-нет, ничего такого его Света ферту не позволяла, отстранилась, улыбнулась и пошла себе домой, а этот наглец так и смотрел в спину его жены!

– Так... и чего это ещё такое? – Виктор как рассерженный медведь начал выбираться из машины, но, к счастью, невинный случайный прохожий, поддерживавший красивую женщину на скользком участке тротуара, уже успел уйти.

– Чёээтотакое? – мысленно возопил Виктор.

Нет, он собрался было оправиться домой и выяснить у жены, кто это такой её за локти хватает в отсутствие мужа, но, припомнив собственную неидеальность, придержал рвущиеся эмоции.

– Спокойно! Спокойно, Витька! – велел он себе. – Если сейчас начну что-то выяснять, она сорвётся, и будет всё только хуже!

Звонок смартфона с незнакомого номера он принял совершенно машинально, вслушался в смутно знакомый голос и аж присел:

– Витя, это Лариса Сергеевна!

– Кто?

– Кто-кто... тёща твоя!

– Ааа, тёща? И чего надо?

– Как чего? До Светки дозвониться не могу! Скажи ей, чтобы трубку взяла, когда ей с этого номера звонить будут. Или что? Вы с ней всё-таки развелись, и ты её выгнал?

Глава 7. Зять, не оправдавший надежд

Лариса Сергеевна Шереметова всегда считала себя человеком, точно знающим, как ей жить и что делать. Более того, она отлично знала всё это и про окружающих, особенно про свою дочь.

Когда у неё родилась чудесная, светловолосая, красивая и очень спокойная девочка, Лариса решила, что ей очень повезло.

– Хорошенькая как куколка! – говорили все, кто видел малышку. – А какая послушная!

– Ну это же моя дочь! Ещё бы ей не быть послушной! – самодовольно замечала Лариса Сергеевна, которую охотно поддерживали и её родственники, обожающие строгую дисциплину. Правда, только когда она касалась не их самих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.